

Долгая жизнь органической метафоры Руссо: опыт деконструкции концептов американской политики в Европе и Евразии

К.Е. Коктыш, В.М. Сергеев, А.А. Игитян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Идейное измерение международных отношений и внешней политики отдельных стран представляет собой самостоятельное поле взаимодействия. Его изучение неизбежно происходит на стыке политической теории и философии. В социально-политической области яркая метафора, которая является базовым инструментом познания, может овладеть умами околополитических слоёв и надолго стать для них «когнитивным ключом», объясняющим политику. Однако она не только может давать необходимое для практических действий понимание контекста и внутренней логики событий, но и может стать своеобразным фильтром при восприятии происходящего, тем самым неявным образом ограничивая свободу воли воспринявшего метафору субъекта. При этом идеализм, постулирующий первичность идей по отношению к материи, подразумевает и возможность преобразования материальной реальности в соответствии с заданными идейными основаниями. Таким образом, метафора может быть сильнейшим инструментом политики. Органическая метафора Руссо, а особенно выстроенные на её основе концептуальные основы политики Вудро Вильсона, рассматриваются в настоящей статье как пример инструментального использования политической метафоры. В исследовании показано, как США использовали метафору для форматирования идейного уровня европейской политики, а сейчас делают это на континентальных пространствах Евразии. В прошлом веке концепт наций позволял расщеплять на неконкурентоспособные части любое конкурирующее образование. Однако борьба с империями, под знаменем которой прошла большая часть прошлого века, отнюдь не закончилась с их фактическим распадом. В современных условиях США, исходя из принципа *divide et impera*, последовательно противостоят любым интеграционным объединениям, возникающим на пространствах Евразии.

Ключевые слова: органическая метафора Руссо, политическая метафора, Вильсон, национализм, Лига Наций, политика США в Европе и Евразии

УДК: 327.3:321.01 (4+5) + 32.01

Дата поступления: 12.01.2024 г.

Дата принятия к публикации: 28.03.2024 г.

Метафора и её когнитивное воздействие – тема, только приоткрывающаяся нашему осознанию во всей её сложности. Несмотря на довольно многочисленные исследования (Лакофф 2004; Bonham, Shapiro 1977; Анкерсмит 2014; Скребцова 2018; Болдырев 2018; Хофштадер, Деннет 2003; Солсо 2006), она остаётся неизменно актуальной, с каждым новым исследованием открываясь всё новыми гранями и глубинами. Метафора является одним из базовых методов познания – мы сравниваем новое с прежде виденным, хорошо знакомым, отыскивая общее, и превращая его в ключ, в когнитивный оператор, через который это новое понимается и интерпретируется: то, что работает в отношении знакомого, т. е. давно познанного объекта, возможно, работает и в отношении объекта познаваемого, позволив раскрыть его свойства и природу. Это может сработать, а может и не сработать: по сути, порождение метафоры есть порождение гипотезы, которая в дальнейшем должна быть доказана, т. е. тем либо иным образом верифицирована, и либо подтвердиться, будучи признанной корректной, либо, напротив, быть отставленной в сторону, оказавшись случайной, не отображающей суть, и в силу этого нерелевантной.

С познанием мира физического это работает практически всегда: ошибочные предположения неизменно отсеиваются практикой, дисфункциональные метафоры не востребованы. Но вот с миром социальным и политическим всё куда сложнее. Главная проблема воздействия политической когнитивной метафоры в том, что она воздействует на сознание «мимо правил»: рационализм с его критическим аппаратом включается постфактум, оказываясь перед лицом построений воображения, и оценивает их внутреннюю логику, уже из неё выводя цели и средства «как сами собой разумеющиеся и сами за себя говорящие» (Хоркхаймер 2011: 8–9), при этом не подвергая сомнению саму разумность или уместность этих построений.

Почему это происходит именно с политической метафорой? Дело в том, что знание законов и принципов политики является залогом жизнеспособности политических элит, но не входит в актуальный и, главное, повседневно востребованный опыт более широких слоёв любого общества. Таким образом, верификация, какая-либо проверка практикой претендующей на описание этой сферы и адресованной неполитическим элитам яркой метафоры оказывается вряд ли возможной в принципе. В этом контексте дисфункциональная метафора, по сути представляющая собой когнитивное искажение, может существовать в качестве не оспоренной достаточно долго.

Для этого требуется исполнение двух условий. Во-первых, такая метафора изначально должна быть создана в качестве идеологемы, т. е. она должна претендовать на то, что является достоверным, системным и нормативным описанием некоего сегмента политики и политического, адресованным околополитическим слоям общества. Во-вторых, она должна представлять собой яркий образ,

способный овладеть воображением околополитических слоёв. Тогда она может стать когнитивным оператором, формирующим онтологические установки значимых слоёв общества. Это может происходить и в качестве самостоятельно развивающегося процесса, тогда уместно говорить о добросовестном заблуждении: «завирусившаяся» метафора становится «когнитивным ключом», определяющим не только понимание политики, но и формирование предпочтений и целеполагания, став «когнитивной ловушкой», захватившей власть над умами, и направляя их энергию в заведомо ложном направлении. Но идеологема также может выступать и в качестве управленческого инструмента международной публичной политики, ориентированного на коммуникацию внешнего актора «через голову» элит напрямую с населением данной страны и позволяющего эффективно воздействовать на его ценностные и мировоззренческие установки.

Собственно, исследованию политической судьбы одной такой знаменитой метафоры и посвящена настоящая статья. Речь идёт об органической метафоре Руссо, в XIX в. вышедшей за пределы Франции и захватившей умы в России, именно эта метафора легла в основу спора западников и славянофилов, а в XX и XXI вв. стала идеологическим инструментом американской внешней политики, обретшим весьма широкий функционал. Так, усилиями «коллективного» Вудро Вильсона – как известно, американскую позицию на Парижской мирной конференции готовил экспертный коллектив из 150 человек, впоследствии преобразованный в американский Совет по международным отношениям, накануне конференции им было подготовлено порядка двух тысяч документов – заложенный в основу руссоистской метафоры концепт, соединившись с американским концептом меньшинств, переродился, обретя форму метафоры нации. Он был использован вполне инструментально, в качестве идеологемы: задачей была легитимация для неополитических слоёв Европы нового порядка вещей, но никак не его полноценное понимание. Это обеспечило крайне высокую эффективность публичной дипломатии Вильсона, сумевшего сломить сопротивление своих европейских контрагентов, в первую очередь Ллойда Джорджа и Жоржа Клемансо, и навязать свой проект Лиги Наций, обеспечившего начало американской гегемонии в Европе. На уровне же практической политики новый порядок призван был обеспечить, и обеспечил, доминирование в Европе американского корпоративного капитализма. Лишним подтверждением американского «инструментализма» стал тот факт, что декларированные США универсалистские принципы сегодня перестали признаваться таковыми в тех случаях, когда их реализация происходила не в интересах США, а их мягкий пересмотр стал происходить в рамках концепта «мира, основанного на правилах», альтернативного «праву, основанному на суверенитете».

В своей работе авторы опираются на методы когнитивного анализа и когнитивной деконструкции (Сергеев, Коктыш 2023), позволяющие проследить идейные истоки политики США в Европе и Евразии. В завершающей части текста

авторы ставят ряд вопросов о современном состоянии наций и нациестроительстве, особенно в Евразии, по сути являющегося деятельностью не в интересах собственного общества, а в отношении внешнего центра влияния.

Органическая метафора Руссо и конструирование концептов политики

При том что антропоморфная метафора – вещь довольно распространённая, именно органическая метафора Руссо (Руссо 2013b: 139), сравнившего политическую конструкцию с живым организмом человека, стала первой полноценной идеологемой, имевшей целью не столько понять и объяснить порядок вещей, сколько установить его в качестве нормативного. На основании этой метафоры Руссо распространяет свойственное природе человека на политическую систему в целом, таким образом обосновывая и суверенитет, и общую волю, и свободу, и многое иное.

«Политический организм в качестве личности можно рассматривать как живое тело, состоящее из отдельных частей и похожее на тело человека. Полномочия суверенной власти — это его голова; законы и обычаи — мозг, начало нервной системы, вместители рассудка, воли и чувств; части тела — судьи и магистраты; торговля, промыслы и сельское хозяйство являются его ртом и желудком, готовящими пропитание для всех; общественные финансы есть кровь, которую мудрая экономия, действующая как сердце, разгоняет, чтобы она распределяла по всему телу питание и несла жизнь; граждане являются телом и его частями, приводящими этот механизм в движение, заставляют его жить и работать; их невозможно ранить в одной части так, чтобы болезненное впечатление не проникло в мозг, если, конечно, организм здоров» (Руссо 2013a: 43–44).

Отметим, само такое сравнение, при всей внешней красивости, глубоко спорно, поскольку сводит сложное к простому – весьма сложную конструкцию политической жизни к довольно поверхностному пониманию биологической машинерии. Аналогом может быть объяснение ребенку концепта «машины» через концепт «бибики» (что вполне корректно передаёт функционал, ведь машина – это некая конструкция для перемещения чего-то из одной точки в другую), полностью оставляя за скобками ответ на вопросы, как и каким образом это происходит. Иными словами, в лучшем случае это ещё может быть формой объяснения политики не включённым в политику, но жаждущим этого включения слоям общества, т. е. идеологической формулой, но никак не формой её понимания. И, собственно, эти слои и были основным адресатом творчества Руссо, главным образом имевшего целью возможность обоснования земной легитимности власти как альтернативы ответственности монарха перед Всевышним.

Действительно, органическая метафора изначально появилась как дискуссионный ответ Руссо Гоббсу, обосновавшему в «Левиафане» безальтернативность божественной легитимности земной власти: по Гоббсу, обосновывавшему

христианское государство в качестве нормативного (Гоббс 1991: 289–462), суверен не подчинён тем законам, которые он сам, т. е. государство, создаёт, но при этом подчинён законам естественным, т. к. они даны Богом и не могут быть отменены ни человеком, ни государством (Гоббс 1991: 253). По сути, Руссо в своей метафоре изначально пытался создать своего «Левиафана», избавленного от этих ограничений, хотя впоследствии и замаскировал амбициозность этого намерения: известный исследователь Руссо Брюно Бернарди по этому поводу пишет, что «анатомия политического организма откровенно “сляпана” (следы этого сохранил черновик статьи), и если черновик содержит намёк на введение к “Левиафану”, то текст не пытается никоим образом его сохранить. В силу этой правки не только сравнение теряет свою ценность, но и сам предмет сравнения становится неуместным» (Бернарди 2013: 19).

Представляется, что итоговый отказ Руссо от упоминания Гоббса отнюдь не случаен. По сути, это отсечение научной полемики и дискуссии по поводу сравнения концептов как опции в пользу ухода в чистую нормативность: он явно рассматривал свой труд не как научный, а как идеологическую декларацию. И действительно, созданная Руссо метафора носит ярко выраженный прикладной инструментальный характер: его «организм» на поверку оказывается крайне ограниченным в своём функционале. Ему вменена общая воля и довольно тираническое право её применять ко всем своим членам – «если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принуждён к повиновению всем политическим организмом; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным» (Руссо 2013b: 130). Более того, внимательное прочтение трудов Руссо приводит к выводу, что он стремился обосновать легитимность не абстрактной, а вполне конкретной земной власти, которую он называет «Законодателем». Именно последнему и делегировалась разумность, которой не обладал организм в целом – разумность, «недоступная пониманию простонародья», вместе с правом вкладывать указания «в уста бессмертных богов, дабы с помощью божественной власти повести за собой тех, кого не смогла бы побудить к действию человеческая осмотрительность» (Руссо 2013b: 151). Несложно обнаружить, что под мистической фигурой Законодателя, вольного творить религию по своему разумению, Руссо понимал современных ему масонов (Коктыш, Сергеев 2024).

Таким образом, органическая метафора Руссо как идеологема оказалась вполне удобной для того, чтобы «вменить» политическому организму и «безграничную власть над всеми его частями» (Руссо 2013b: 119), и «волю и силу» (Руссо 2013b: 163), и нравственность (Руссо 2013b: 167), и свойство расти, стареть и умирать (Руссо 2013b: 193), и свободу (Руссо 2013c: 501). Отметим, что воплотившись на уровне практической политики, именно эта метафора и послужила концептуальным основанием большинства эксцессов ВФР, и отнюдь не случайно Руссо был объявлен Робеспьером первым святым установленного им «культа высшего существа» (Тьер 2015: 335). Будучи ярким и понятным

образом, руссоистская метафора, говоря современным языком, «завирусилась», превратившись в устойчивый когнитивный оператор, и после наполеоновских войн нашла благодатную почву в победившей Наполеона России, где языком образованного класса был французский, а его надёжность была освящена полагавшимся на тот момент передовым Просвещением.

Метафора нации Вудро Вильсона как концепт европейской политики США

Новое рождение органической метафоры Руссо уже как концепта организации международной политики приходится на выстраивание европейского порядка после Первой мировой войны, которое связано с именем Вудро Вильсона. Идея о том, что США могут играть ключевую роль в его организации, появилась там далеко не сразу: изначально американские амбиции были куда более скромны, и их пределом было выстраивание по итогам войны вполне партнёрского «союза центров белой расы» в лице США, Англии и Германии, концепт «сверхтриумvirата» оставался актуальным вплоть до 1915 г. (Уткин 1989: 71, 130). Однако по мере продолжения войны задолженность стран Антанты перед США росла, и если в 1914 г. сумма выданных американцами кредитов достигла 2 млрд долл. (Уткин 1989: 66), то уже два года спустя количество перешло в качество: превышение американского экспорта над импортом увеличилось, по сравнению с 1914 г., в пять раз (Гершов 1983: 108). Это побудило США решиться на резкое повышение ставок, и уже в 1916 г. те заявили о себе как об архитекторе нового мирового порядка. Дословно заявление Вильсона звучало так: «Мы должны играть большую роль в мире. Нам в значительной мере приходится финансировать мир, а тот, кто финансирует мир, должен понимать его и управлять им по своему знанию и разумению» (Цит. по: Гершов 1983: 109).

В этом контексте особого внимания заслуживает фигура президента Вудро Вильсона. Известный исследователь американской олигархии Фердинанд Ландберг отмечает, что Вудро Вильсон находился в орбите Уолл Стрит ещё за двадцать лет до того, как его кандидатура была выставлена на пост президента: его однокурсниками в Принстоне были отпрыски могущественных семей Доджей и Маккормиков, которые и способствовали сначала его академической, а затем и политической карьере (Ландберг 1948: 140). Эта связь всегда оставалась прочной: ключевую роль в его избрании президентом сыграло руководство «Нэйшнл сити бэнк», где директором был Кливленд Х. Додж, а содиректорами – Дж. П. Морган-младший, Уильям Рокфеллер и ряд других влиятельных финансистов (Ландберг 1948: 138–139). Это во многом объясняет решения в области финансов администрации Вильсона: так, на первом году его правления был принят закон о ФРС, до того безуспешно продвигавшийся с 1908 г. (Ландберг 1948: 148–149), а в 1915 г. американским правительством были одобрены займы

союзникам (Ландберг 1948: 167–172). Синдикат крупнейших банков, выпустивших англо-французский заём, возглавил в октябре 1915 года «Дж. П. Морган и К°» (Ландберг 194: 172).

Всё это позволяет нам говорить о «коллективном Вильсоне», где самые разные концептуальные и практические наработки, по сути, были объединены под его «брендом»: поскольку американские ставки в отношении послевоенного урегулирования в Европе были крайне высоки, для подготовки американской позиции был образован коллектив из 150 учёных и экспертов. Последний получил название *The Inquiry*, а возглавил его советник Вильсона, а до того – главный «политтехнолог» демократической партии Эдвард Хауз. Об интенсивности работы новой структуры говорит тот факт, что ещё до отбытия на Парижскую мирную конференцию этот коллектив подготовил более двух тысяч документов. Эксперимент коллективной работы был признан удачным: впоследствии *The Inquiry* был преобразован в Совет по международным отношениям США (Gelfand 1963).

Добычей, подлежащей переделу, были в первую очередь колонии проигравших Германской и Османской империй. В случае сохранения прежнего порядка вещей главными бенефициарами передела стали бы Британская и Французская империи при миноритарной роли США, что США категорически не устраивало. Требовалось «опрокинуть доску», т. е. отменить старые правила, и установить взамен новые, в рамках которых США могли бы играть центральную роль, навязывая в том числе свою волю и Британии с Францией.

Институционально проект США сводился к созданию новой международной организации, надгосударственного органа власти, который и стал бы главным центром распределения колоний: мандат Лиги Наций вместо привычной аннексии, подкреплённый «доктриной открытых дверей», что должно было открыть для США до того закрытые для них части Азии и Африки (Гершов 1983: 214–217). Естественно, США должны были играть в этой организации ключевую роль, обеспечивая её функционирование в своих интересах. Идейной же легитимацией проекта стал концепт наций. Вильсон заявляет о субъектности наций, которые изначально противостоят правительствам – «мир должен быть правом народов, а не правительств — правом народов, великих и малых, слабых или могущественных, — их реальным правом на свободу, безопасность и самоуправление» (Уткин 1989: 163).

Тут уместно немного отвлечься и несколько более пристально рассмотреть сам концепт наций, выбранный «коллективным Вильсоном» в качестве инструмента раздела «великой Европы». Последний, в отличие от концепта народа (*ethnics, people*), формировавшегося естественным и большей частью эволюционным путём «снизу», является сконструированным «сверху»: в части определения искусственности его природы сходятся практически все видные исследователи наций и национализма, видя разницу только в причинах, побудивших

его конструирование, и инструментах. Так, Карл Дойч в качестве таковых видит фактор социальной мобильности и коммуникации (Deutsch 1966), Эрнст Геллнер – индустриальную революцию и стандартизацию образования (Геллнер 1991). Майкл Манн полагал национализм реакцией на возникновение современного государства и определял его как идеологию, согласно которой нация наделена особыми добродетелями, позволяющую оправдывать даже агрессивные действия против других наций (Манн 2016; Mann 2012). Эрик Хобсбаум, отмечая, что понятие нации и национализма носит искусственный характер и что они не обусловлены языком и происхождением, полагал их сконструированными государством (Хобсбаум 1998). Бенедикт Андерсен видел в качестве инструмента «печатный капитализм», породивший доступную прессу и запустивший процессы коллективного воображения (Андерсон 2016; Балакришнан, Андерсон 2002). Наконец, Энтони Смит, автор одного из наиболее полных исследований теорий наций и национализма (Смит 2004), отмечает, что при всём разнообразии форм структура национальных мифов у всех наций, полагаемых таковыми, практически идентична. Её базовые элементы – общие предки, некий «золотой век», период упадка, возможно, сопровождавшийся утратой части территории и миграцией, и уверенность в будущем возрождении. Наконец, формально дискутирующий с Геллнером, Андерсоном и иными Бернад Як, утверждая, что нации представляют собой древние сообщества, которые в современности пережили соединение с национализмом как идеологией (Як 2017), по сути отождествляет концепты народа и нации: действительно, любая нация строится на базе некоего исходного сообщества, но конечный результат этого строительства по определению отличен от «исходной точки».

Иными словами, современный концепт нации, являясь, кроме прочего, управленческим инструментом, позволяет конструирование любой произвольной общности на самом широком круге оснований, из которых единственным неисключаемым материальным основанием, судя по всему, является участие в общей экономической деятельности и разделении труда, создающее структуру общих, и воспроизводящихся, материальных интересов. Последние всегда могут быть осмыслены как ущемлённые и стать одним из весомых оснований политической мобилизации, здесь в качестве иллюстрации можно вспомнить и большевистскую революционную метафору Российской империи как «тюрьмы народов», и распространившийся в национальных республиках накануне распада СССР лозунг «хватит кормить Москву!». Политическое оформление этих интересов действительно может быть самым разным, а ключевым структурным элементом, если мы обратимся к исследованию национальной мифологии Смита, является противопоставление нации как проигравшего ранее в истории меньшинства некоему большинству, в отношении которого появилась возможность взять реванш. Такое когнитивное основание позволяет говорить о совпадении функционала со вполне привычным для США концептом меньшинств, который был положен в основу американской политической системы в качестве одного

из ключевых элементов американскими отцами-основателями (Коктыш 2017: 46–71). У Вильсона нации как меньшинства противопоставляются государствам, последние как раз и являются тем враждебным «большинством», в отношении которого сегодня возможно взять реванш: государства автократичны, нации свободолюбивы и демократичны, и Лига Наций как «крепкий союз народов» необходим, «если господство автократии будет свергнуто и вместо него будет создан ряд новых, слабых демократий» (Бекер 1923: 53).

Но «коллективный Вильсон» не просто переносит на европейскую почву концепт меньшинств в формате концепта наций, он решительно соединяет с ним и ту самую органическую метафору Руссо, которая, таким образом, обретает новую жизнь уже в качестве принципа международных отношений. При этом основания для экстраполяции по идее «внутренней» органической метафоры на пространство международных отношений мы находим у самого Руссо, отметившегося скептицизмом в отношении природы как отдельного человека, так и социальных групп, он полагал последнюю изначально морально порочной (Roosevelt 2006) и эгоистичной (King 2021), и не верил в возможность преодоления анархического порядка в международных отношениях. Нация у Вильсона – сущность безусловно одушевлённая: «новые нации нужно охранять, пока они станут на свои собственные ноги» (Бекер 1923: 53); при этом эгоистичная: «доверие одной нации к другой должно покоиться, как и доверие между людьми, на правдивости, прямоте и ясности помыслов» (Бекер 1923: 60), и потенциально порочная – нации могут быть «заслуживающими доверия» (и, соответственно, не заслуживающими) (Бекер 1923: 330).

По сути, нации – это дети, которые, предоставленные сами себе, будут порождать анархию, но для предотвращения последнего у них есть родитель. США в риторике Вильсона – главный и самый верный защитник наций, в этом – их этическая миссия, «в мире этики могущество является не источником новых прав, а источником сугубой ответственности и, следовательно, ещё больших обязанностей» (Бекер 1923: 52). По сути, это – такое же, как и у Руссо, идеологическое использование той же самой метафоры, адресованное неполитическим слоям обществ в первую очередь победивших Англии, Франции и Италии с целью их мобилизации в поддержку американского проекта: в предложенной США новой реальности те получали ощущение причастности к творению истории, т. е. ровно то, чего не могли им дать их собственные элиты. В подготовленную же когнитивную ловушку должны были попасть – под давлением своей же общественности – британский и французский премьеры Ллойд Джордж и Жорж Клемансо, «оплот старой Европы» и её традиций. Причём они должны попасть в неё в любом случае, даже если они этого очень не захотят.

Разумеется, это всё – формулы публичной риторики американского президента: противостоя Ллойд Джорджу и Жоржу Клемансо, Вильсон использует весь возможный арсенал средств. С одной стороны, он шантажирует их угрозой сепаратного мира США с Германией (Уткин 1989: 222), а с другой –

разворачивает потрясающую публичную активность, то, что сегодня назвали бы публичной дипломатией, апеллируя к европейским обществам поверх голов их лидеров. Это было чем-то совершенно новым для тогдашней Европы. Председатель американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарт Бекер, сопровождавший Вильсона, отмечает, что «из всех вождей Антанты, как бы велико ни было их участие в тяготах войны, никто не удостоился в столицах Европы таких приёмов со стороны народа, приёмов, ни с чем несравнимых, какие выпали на долю Вильсона. Ни разу Клемансо не вызвал стечения толпы. Ллойд Джордж появлялся в Париже и исчезал почти незамеченный, и не удостоивался приветствий. ... Можно смело утверждать, что никто так глубоко не взволновал и не потряс народы Европы, как Вильсон; это исторический факт, который, независимо от отношения к последующим событиям, заслуживает быть отмеченным» (Бекер 1923: 53).

И это вполне сработало. Органическая метафора Руссо, «оживив» и «очеловечив» в устах Вильсона концепт меньшинств-наций, овладела неполитическими массами и захватила умы. Обнаружив себя под нарастающим давлением «снизу», Ллойд Джордж и Жорж Клемансо «сломались». «Идея великой, наиболее могущественной во всём мире нации отдать себя на служение человечеству, защитить слабых, поднять павших и угнетённых и дать миру справедливость, – эта идея и в Риме, и в Париже, и в Лондоне вызвала в могучих массах народа взрыв общего ликования» (Бекер 1923: 52).

Понятно, что вильсоновский «проект наций» был абсолютно прагматичен, а использование им метафор и концептов бесспорно инструментально: это было идеологическим обеспечением экономической прагматики. С этой точки зрения США, расщепляя побеждённые империи на национальные составляющие, разрушали сложившуюся в них систему разделения труда. Тем самым заведомо понижался как уровень технологичности производимой продукции, это прямое следствие распада прежних производственных контуров, так и достижимый в дальнейшем «технологический потолок», напрямую зависимый от размеров рынка (Григорьев 2014: 22, 82–87, 221–222). Технологическим же донором для новых образований, который выполнит их «пересборку», включив в собственную систему разделения труда, должны были стать США. Это, собственно, и признавалось современниками как справедливая «доля» США в новом порядке: тот же Бекер отмечал, что «конечно, достигнутое успокоение мира, в конце концов, принесёт громадную материальную и моральную пользу Америке» (Бекер 1923: 305). Таким образом, «пробуждение народов», горячо поддержанное США, открывало им путь к расщеплению конкурентов, каковыми Вильсон считал «главенствующие в мире шесть великих стран Европы» и европоцентристский мир в целом: последнему предстояло стать объектом трансформации. (Уткин 1989: 41). Стоит отметить, что, внедрив и легитимировав концепт наций, США тем самым заложили «бомбу замедленного действия» и под империями союзников, которая сработала уже после Второй мировой войны.

Не вызывает сомнений, что искушённые в политике Ллойд Джорд и Жорж Клемансо не поверили политической метафоре Вильсона и, более того, вполне рассмотрели её подрывной потенциал, но были вынуждены принять навязанные США правила игры. Свидетельством тому довольно язвительная реплика Клемансо, отреагировавшего на высокопарную риторику Вильсона о взаимной помощи как национальном долге, где сильные государства должны оказывать помощь слабым, богатые – экономически неразвитым, познавшие свободу – политически отсталым (Бекер 1923: 53), что по замыслу американского президента должно было привести к вечному миру. Клемансо спросил, посчитали ли участники конференции цену такого мира и готовы ли они будут отказаться от своих империй и надежд на их сохранение? «Вы, господин Ллойд Джордж, вы, англичане, должны будете уйти, к примеру, из Индии. Нам, французам, придётся покинуть Северную Африку, а вы, американцы, вы, господин президент, должны будете уйти с Филиппин и из Пуэрто-Рико и оставить в покое Кубу и Мексику. ...Мы больше не будем иметь возможность управлять ими и эксплуатировать их... Мы не сможем дальше держать в своих руках торговые пути и сферы влияния. Мы должны будем устранить торговые барьеры и предоставить всему миру свободу торговли. ...Это очень дорогостоящий мир. Мы, французы, готовы, а вы готовы уплатить эту цену, чтобы на свете больше не было войн?» Получив немедленный отрицательный ответ от всех участников, все единодушно заявили, что не собираются отказываться от привилегий, какими располагали их страны, Клемансо заключил: «тогда вы имеете в виду не мир, а войну» (Гершков 1983: 219–220).

Таким образом новый порядок был институализирован. Лига Наций в итоге была создана в целом по американскому проекту с незначительными компромиссами: США, введя в переговорный торг непривычный для европейцев фактор публичной дипломатии, на концептуальном уровне практически вчистую его выиграли (Throntveit 2011: 445–481). Новая организация возникла как «ассоциация наций, приверженных идее защиты целостности каждой; покушение одной из наций на существующее положение дел должно вызвать отпор всех прочих стран» (Уткин 1989: 43). Отметим, что метафора защиты довольно быстро экстраполировалась и в экономическое поле и обрела формат протекционизма, что нанесло серьёзнейший, если не смертельный удар по системе британской свободной торговли: на пути британских товаров выросли национальные границы. Вместе с тем новая ситуация предоставила полную свободу действий американскому корпоративному капитализму, перешедшему от экспорта товаров к вывозу производств: «американские корпорации стали «троянскими конями» на внутренних рынках других государств», позволяя США извлекать двойную выгоду от протекционистского движения. Во-первых, это была выгода от контроля над собственной, самой закрытой экономикой, и, во-вторых, это была выгода от собственных прямых иностранных инвестиций, позволявшая «нейтрализовать и превращать в преимущество протекционизм других стран»

(Арриги 2006: 373–374). При этом момент создания Лиги Наций, похоже, и стал стартовой точкой запуска того самого процесса создания национальной мифологии, о которой пишет Смит – как минимум в странах Восточной Европы.

Универсалистская риторика versus прагматичные цели в политике США в Евразии

Как мы видим, США, провозглашая устами Вильсона вполне универсалистские цели – а это «борьба со старым укладом» (Бекер 1923: 141), старой системой – «народы всего мира не могут дольше мириться со старой системой, и они не потерпят правительств, которые её поддерживают» (Бекер 1923: 194) во имя создания «конституции для всего мира» (Бекер 1923: 295), которая станет «жизненной силой всех правительств» (Бекер 1923: 232), в основу которой будут положены «исторические принципы Америки, убедительные для всего мира» (Бекер 1923: 201), преследовали прагматичную цель идеологического закрепления Вашингтоном своего преимущественно экономического контроля над миром. В этом контексте продвигавшийся Вильсоном образ себя как выразителя всемирной народной воли (Бекер 1923: 238) и США как «слуги всего мира» (Бекер 1923: 356), несущего службу в интересах всех (Бекер 1923: 286), по сути оформлял на уровне транслируемой США картины мира порядок, в рамках которого те являются главным и единственным гегемоном. Собственно, об этом Вильсон и заявил Сенату 22 января 1917 г., сообщив о возможности «осуществления великого принципа доктрины Монро в интернациональном масштабе», когда Америка, выйдя из состояния изоляции, «занимает своё место в жизни всего мира» (Бекер 1923: 347).

Действительно, вильсоновский концепт наций, потенциально позволявший расщеплять на неконкурентоспособные части любое конкурирующее образование, оказался эксклюзивным оружием в руках Соединённых Штатов, нависшим и над его партнёрами по Антанте. Они его немедленно пустили в ход: Вильсон «воодушевил надеждой поляков и сербов и признал официально Чехословакию», прекрасно понимая, что такая политика «подрывает и расшатывает моральное состояние и солидарность центральных держав» (Бекер 1923: 412), помешал французам организовать международный контроль над Германией помимо Лиги Наций (Бекер 1923: 332) и предпринял целый ряд иных шагов, публично мотивируя это «обязанностью сильного помогать более слабому» (Бекер 1923: 412).

Использование термина «вильсоновский», возможно, требует некоего пояснения: уместно зафиксировать смысловую границу между концептом *per se* и концептом политическим. В научном дискурсе любой концепт, как правило, многогранен и имеет множество прочтений, политика же акцептирует только одно прагматически целесообразное его прочтение, в дальнейшем его по возможности юридически оформляя. В этом контексте применительно к XX

и XXI вв., говоря о концепте наций как политическом, уместно говорить о его вильсоновском оформлении: именно он стал основой политики США, превратившись в такой же инструмент «взлома» внешних экономполитических систем, как для Англии – установленный ею к середине XIX в. принцип свободы торговли: будучи на тот момент самой крупной экономикой мира, та могла предложить рынку любой товар сопоставимого качества по более низким ценам, нежели любой иной производитель. Таким образом, императивное требование отсутствия таможенных границ попросту сносило всякие препятствия для британской торговой экспансии и поглощения конкурентов. Что примечательно, под флагом «свободы торговли», благам которой, как писали британские газеты того времени, «открывается ещё одна деспотия», происходила и британская торговля опиумом в Китае (Грудзинский 2015: 156).

С распадом СССР вильсоновский концепт наций пережил своё второе рождение. Бывшие советские республики немедленно стали объектом западного влияния: так, в 1993 г. одной из приоритетных целей американской внешней политики была заявлена «интеграция [новых независимых государств] в сообщество демократических наций, глобальную экономику и международные институты»¹, что по сути было попыткой вывода их из российской орбиты влияния. До середины 90-х западный практический интерес, впрочем, имел скорее экономический, нежели геополитический характер, и не был явным образом идеологически оформлен. Правда, на этом этапе во всех постсоветских странах возникли и укрепились в качестве политической силы националисты, как правило, прозападные, начала и внедряется национальная мифология, в рамках которой в качестве враждебной силы, прервавшей «золотой век», неизменно выступала Россия.

До поры, впрочем, националисты везде, кроме прибалтийских республик, оставались маргинальным игроком, который, если и прорывался к власти, оказывался неспособным её удержать – как, например, это произошло с Гамсахурдиа в Грузии и с Эльчибеем в Азербайджане. Тем не менее тогдашнего политического веса националистов оказалось достаточно для политического обеспечения стремления западных деловых кругов максимально расширить доступ к ключевым промышленным и ресурсным активам на постсоветском пространстве: был запущен целый ряд западно-ориентированных инфраструктурных проектов². Этой цели служил и инициированный Евросоюзом проект ТРАСЕКА для восьми закавказских и среднеазиатских республик бывшего СССР, который должен был способствовать развитию торговли и транспорта в обход России.

¹ History of the Department of State During the Clinton Presidency (1993–2001). *Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State*. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8527.htm> (accessed 27.09.2024).

² Hill F. A Not-So-Grand Strategy: U.S. Policy in the Caucasus and Central Asia Since 1991. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-not-so-grand-strategy-u-s-policy-in-the-caucasus-and-central-asia-since-1991/> (accessed 27.09.2024).

Новые транспортные маршруты без российского участия прорабатывались и в международных организациях: ЭСКАТО ООН, ЕЭК ООН, ЦАРЭС (Quium 2018).

Ко второй половине 1990-х гг. в США уже оформилось концептуальное обоснование для таких проектов, у них уже были геополитические категории увеличения своего влияния и снижения российского (Jaffe 1988), Россия прямо указывалась в качестве конкурента. Так, диверсификация транспортной инфраструктуры признавалась необходимой, чтобы подкрепить политический суверенитет новых независимых государств экономической независимостью от России (Сафранчук, Махмудов 2021). В рамках такой установки совершенно логично, что США заняли критическую позицию в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, которые инициировала Россия без участия западных стран, а такие инициативы появились уже в середине 1990-х гг.

Так, первые попытки запустить ориентированную на Россию в качестве центра экономическую интеграцию трактовались западными экспертами и политиками как негативные, нацеленные на сохранение российского влияния, но одновременно признавались не как угроза в силу своей слабости, что во многом было правдой (Allison 2008). А вот более системные усилия России по развитию интеграционных форматов на постсоветском пространстве – в начале 2000-х гг. были сформированы ЕврАзЭС и ОДКБ – стали взывать у американских политиков и экспертов большие опасения. К середине 2000-х гг. стало очевидным, что США готовы противодействовать интеграционным объединениям, инициированным Россией, а точкой приложения усилий стали ориентированные на США и Запад в целом националистические политики в постсоветских странах.

Так, в 2003 г. Россия, Беларусь и Казахстан договорились перейти к более глубокой форме интеграции и подписали Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП). В 2004 г. велись переговоры о присоединении к нему Украины, однако этот интеграционный процесс был сорван «оранжевой революцией» в Киеве в ноябре 2004 г. Это подтверждало, что имеет место не просто экономическая конкуренция, а она тесно связана с геополитическими соображениями: начавшиеся с Грузии и Украины «цветные революции», по сути, имели единственной целью отстранение от власти пророссийских элит и смену их на прозападных националистов. В последующий период ноу-хау было применено, с различной степенью успешности, во многих постсоветских странах, включая Грузию (Тимофеев 2024), Беларусь (Коктыш 2021: 91–110) и даже Россию (Данюк, Семибратов 2024). При этом, как правило, заметна прямая корреляция попыток «цветных» переворотов с интеграционными успехами России.

Так, к концу 2000-х гг. Россия смогла вновь активизировать интеграционные инициативы. В 2007 г. Россия, Беларусь и Казахстан подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза (ТС).

К середине 2009 г. были согласованы конкретные условия его функционирования, и в 2010 г. Таможенный союз начал работу. В конце 2009 г. были также активизированы усилия по созданию Единого экономического пространства (ЕЭП) в составе тех же трёх стран (ЕЭП заработал с 1 января 2012 г.). В октябре 2011 г. президенты России, Казахстана и Беларуси выступили с инициативой дальнейшего углубления интеграции на базе ТС и ЕЭП за счёт формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Активизация этих интеграционных объединений не осталась незамеченной со стороны западных политиков. Накануне встречи с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым в Дублине в 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон назвала создание Таможенного союза и намерение углубить политическую и экономическую интеграцию в рамках Евразийского союза попыткой «ресоветизации региона»³. Х. Клинтон заявила, Россия использует региональную интеграцию в Евразии для «восстановления империи», что представляет опасность для мирового порядка, а также стремится к ослаблению влияния США в мире⁴.

Первичность прагматизма по определению ставит под угрозу универсализм декларируемых норм США: изменение конъюнктуры, когда изначальный прагматизм перестаёт работать, по определению должно вести вначале к попытке пересмотра интерпретации декларированных ценностей, а в случае неудачи – и к фактическому отказу от декларированных в качестве универсальных принципов. Такой пересмотр интерпретации и произошёл на рубеже 2000-х и 2010-х: ещё в 1990-е гг. американские эксперты и политики признавали геополитические элементы своего интереса к постсоветскому пространству, но при этом они делали упор на выгоды для самих постсоветских республик от опережающего развития экономических связей за пределами постсоветского пространства – по сравнению со связями внутри этого пространства. Однако в начале десятых годов в реакции американской дипломатии на углубление интеграции на рубеже годов уже полностью игнорируются экономические выгоды для самих постсоветских республик, а акцент сместился на то, что это будет способствовать усилению России, и что ещё более важно, иметь последствия для мирового порядка.

Россия, Казахстан и Беларусь, действительно, формулировали амбициозные задачи для нового этапа интеграции. В. Путин в октябре 2011 г. заявил: «Мы <...> ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции — к Евразийскому союзу. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между

³ Clover C. 2012. Clinton vows to thwart new Soviet Union. *Financial Times*. 07.12.2012. URL: <https://www.ft.com/content/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0> (accessed 27.09.2024).

⁴ Trenin D. 2014. Clinton, Russia, and U.S. Foreign Policy. *Carnegie Endowment*. 23.06.2014. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2014/06/clinton-russia-and-us-foreign-policy?lang=en> (accessed 27.09.2024).

Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁵. Президент Казахстана также считал, что новое интеграционное объединение «имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса»⁶.

После активизации евразийской интеграции западные эксперты начали продвигать нарратив о региональной экономической интеграции как геополитическом инструменте имперской реконструкции России. Характерным можно считать высказывание американского политолога Ариэля Коэна: «Евразийский союз, который превратится в сферу влияния России, <...> скорее всего, монополизует региональную безопасность, может поставить под угрозу региональную стабильность и подорвать экономическую и политическую свободу в Центральной Азии и за её пределами» (Cohen 2013). А Майкл Макфол писал в 2014 г. о развороте Украины в сторону интеграции с Европейским союзом как одним из ключевых факторов, негативно влияющих на планы России по созданию Евразийского экономического союза (McFaul 2014). В 2010-е гг. в западной экспертно-научной среде абсолютно доминировало противопоставление инициированных Россией региональных интеграционных проектов и развитию связей со странами за пределами постсоветского пространства (при этом первое подавалось в негативных тонах, а второе – в позитивных) (Libman 2022; Spechler, Spechler 2013; Stronski 2020). Такое противопоставление концептуализировалось как выбор между закрытой моделью интеграции (таковой называлась евразийская интеграция, несмотря на то, что сами её участники заявляли о нежелании изолироваться от глобальной экономики) и открытой (которой признавалось развитие контактов за пределами постсоветского пространства и которая характеризовалась положительно) (Сафранчук 2015).

Любые инициативы России в области интеграции и многостороннего взаимодействия на региональном уровне (такие как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС), а тем более на глобальном (БРИКС), рассматриваются западными странами, и США в первую очередь, как попытка подорвать влияние Запада в мире и поставить под угрозу либеральный мировой порядок (Denisov et al. 2019; Денисов и Сафранчук 2016). На рубеже 2010-х и 2020-х гг. особую озабоченность у западных экспертов и политиков стало вызывать сотрудничество России и Китая в Евразии⁷. Конечной целью координации усилий России и Китая (с его инициативой Экономического пояса Шёлкового пути), как считают американские

⁵ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 3 октября 2011 г. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 27.09.2024).

⁶ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего. *Известия*. 25 октября 2011 г. URL: <http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения: 27.09.2024).

⁷ Regional Perspectives Report on Russia. Strategic Foresight Analysis. 2021. *NATO Allied Command Transformation*. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/regional-perspectives-2021-01.pdf> (accessed 27.09.2024).

эксперты, является формирование «блока автократий от Китая до Беларуси, разделяющих геополитическую враждебность к Западу и противостоящих либеральным принципам регионального порядка» (Ohanyan 2024)⁸.

Таким образом, первичная прагматика борьбы с империями, под знаменем которой прошла большая часть XX в., отнюдь не закончилась их фактическим распадом – последним тут оказался СССР. США, исходя из принципа *divide et impera*, последовательно противостоят любым интеграционным объединениям, возникающим на пространствах Евразии, даже если в их основании лежит не политическая, а экономическая прагматика – как, например, в случае с ЕАЭС. Этой же логикой диктуется и отрицание США права народов на самоопределение в тех случаях, когда это не соответствует их интересам. Принцип, таким образом, на поверку оказывается инструментальным, а не универсальным, т. е. идеологемой, полезной до той поры, пока она позволяет легитимировать прагматику сохранения США американоцентричного мира. При этом оформление отказа США от универсализма ранее декларированных в качестве неизменных принципов сегодня происходит во вполне мягком формате концепта «мира, основанных на правилах». По сути, этот концепт предполагает плавное вытеснение государств как источников международного права (*sovereignty-based order*) международными организациями (*rules-based order*), которые должны постепенно всё более активно выступить в этом качестве (Sloss 2022: 24–25). Собственно, о контроле над международными организациями как источнике американской «мягкой силы» писал ещё в ставшем классическим труде Джозеф Най, записавший в институты, поддерживающие американскую «мягкую силу», МВФ, ВТО и ООН (Nye 2004: 10).

Выводы

В данном тексте мы проследили эволюцию одной, но довольно важной органической метафоры Руссо, волею судьбы превратившейся в устойчивую «когнитивную ловушку», приведшей к довольно драматичному развитию в российской истории XIX в., а в начале XX в. усилиями «коллективного Вильсона» обретшей новую жизнь как концепт организации международных отношений. При том что первичность прагматизма в политике США не вызывает сомнений, поднятые вопросы тем не менее могут стать началом дискуссии как о содержательном различии концептов «народы» и «нации», с учётом естественно-го происхождения первого «снизу» и сконструированности второго «сверху»,

⁸ Примечательно в этой связи, что в 2013–2015 гг. США пытались склонить Китай к координации китайской инициативы «Пояса и пути» (тогда она называлась «Экономический пояс Шёлкового пути» и собственной региональной инициативой «Нового шёлкового пути»), однако Китай предпочёл взаимодействие с Евразийским экономическим союзом. Сафранчук И.А. 2015. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1354> (дата обращения: 27.09.2024)

так и о нациестроительстве как процессе, который преследует главным образом не собственные внутренние цели, а цели, отвечающие интересам внешних крупных игроков. Как мы видим, вильсоновский концепт наций, обретший современную форму как раз в силу синтеза с органической метафорой Руссо, в первую очередь выступал как инструмент экономического передела Европы в пользу США, заложив основу современного американского доминирования в Европе, а сегодня используется для противодействия интеграционным усилиям России.

Такая дискуссия была бы крайне полезна и в части осмысления современного состояния концепта нации, и последствий его реализации на постсоветском пространстве. Так, построение национальных государств в Прибалтике вовсе не привело их к процветанию, напротив, результатом стала массовая миграция, причём в первую очередь коренного населения, поставившая под угрозу их способность демографического производства. Строительство национального государства в Республике Молдова вообще привело к отказу правящих элит от молдавской идентичности и замене её на румынскую. Положение дел на Украине показывает, что конструирование «нации» сегодня возможно по произвольно широкому кругу оснований, которые могут исключать экономическую прагматику, базироваться на откровенных антинаучных мифах, не предполагать политическое здравомыслие, стимулировать культ смерти и фактическое культивирование псевдохристианства⁹ и многое иное.

При этом деконструкция метафор, вернее, дефицит такого практического опыта – старая российская проблема, уже не раз приводившая к драматическим поворотам российской истории (Сергеев, Коктыш 2023: 173–182). В этом контексте авторы рассматривают свой текст как вклад в развитие отечественной школы когнитивного анализа и когнитивной деконструкции.

Об авторах:

Кирилл Евгеньевич Коктыш – доктор политических наук, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Виктор Михайлович Сергеев – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: victor04076831@mail.ru

Астхик Арсеновна Игитян – аналитик ИМИ МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: a.igityan@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

⁹ Белоусова А. Сенатор Цеков назвал оскорблением заявление Зеленского о «шевроне с украинским флагом». *Russia Today*. 05.05.2024. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/1308758-zelenskii-cerkov-pasha> (дата обращения: 27.09.2024)

UDC 327.3:321.01 (4+5) + 32.01

Received: January 12, 2024

Accepted: March 28, 2024

The Cognitive Trap of Rousseau's "Organic Metaphor" and the Construction of U.S. Policy in Europe and Eurasia

 K.E. Koktysh, V.M. Sergeev, A.A. Igityan
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184)

MGIMO University

Abstract: The ideological dimension of international relations and foreign policy represents a distinct area of interaction, often situated at the intersection of political theory and philosophy. This study explores how metaphors, particularly Rousseau's Organic Metaphor and its adaptation by Woodrow Wilson in his conceptualization of nationalism, function as powerful cognitive tools within the political sphere. These metaphors can act as "cognitive keys" that shape the perception of socio-political realities, influencing both the understanding and actions of political actors. However, while they provide a framework for understanding the internal logic of events, they also limit cognitive freedom by acting as implicit filters. This article traces the instrumental use of these metaphors in U.S. foreign policy, particularly how Wilson's conceptualization of nationalism, derived from Rousseau's metaphor, was utilized to reshape the ideational landscape of European politics in the 20th century and is now being applied in Eurasia. The concept of nationalism allowed for the fragmentation of competing political entities, aligning with the U.S. strategy of **divide et impera** to oppose integration movements. The article further examines how these strategies, which once targeted European empires, are now being employed against emerging integration unions in Eurasia, thereby highlighting the continuity of ideological tools in American foreign policy across different historical contexts.

Keywords: Rousseau's organic metaphor, political metaphor, Wilson, nationalism, League of Nations, US policy in Europe and Eurasia

About the authors:

Kirill E. Koktysh – Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Research Fellow, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Viktor M. Sergeev – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: victor04076831@mail.ru

Astkhik A. Igityan – Analyst, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.igityan@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

References:

Aiko Y. 2006. *Classical Theory in International Relations: Rousseau and Saint-Pierre's Peace Project: a Critique of "History of International Relations Theory"*. P. 96–120. DOI: 10.1017/CBO9780511491429.005.

Allison R. 2008. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia. *Central Asian Survey*. 27(2). P. 185–202.

Bonham G.M., Shapiro M.J. 1977. *Thought and Action in Foreign Policy*. Basel: Birkhauser Verlag (eds.). 356 p.

Cohen A. 2013. *Russia's Eurasian Union Could Endanger the Neighborhood and U.S. Interests*. The Heritage Foundation Report. June 14. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/russias-eurasian-union-could-endanger-the-neighborhood-and-us-interests>

Deutsch K. 1966. *Nationalism and Social Communication. An Enquiry into the Foundations of Nationality*. M.I.T. Press Paperback Printing. 323 p.

Gelfand L.B. 1963. *The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917–1919*. New Haven and London: Yale University Press. 387 p.

Jaffe A.M. 1988. *Unlocking the Assets: Energy and the Future of Central Asia and the Caucasus: Main Study*. Houston: The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University. 42 p.

King J. 2021. The International Politics of Amour Propre: Revisiting Rousseau's Place in International Relations Theory. *Journal of International Political Theory*. №18. P. 167–185. DOI: 10.1177/1755088220983832.

Libman A. 2022. Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies*. 75(9). P. 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184

Mann M. 2012. *The Sources of Social Power. Volume III: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge University Press. 846 p.

McFaul M. 2014. Moscow's Choice. *Foreign Affairs*. 93(6). P. 167–170. URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/Moscows-Choice.pdf>

Nye J.S.Jr. 2004. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, New York. 192 p.

Quium A.S.M. 2018. *The Asian Highway and Trans-Asian Railway networks. Routledge Handbook of Transport in Asia*. Ed. Zhang J., Feng C.M. New York: Routledge. P. 44–60.

Roosevelt G. 2006. Rousseau versus Rawls on International Relations. *European Journal of Political Theory*. №5. P. 301–320. DOI: 10.1177/1474885106064663.

Sloss D.L. 2022. Preserving a Rules-Based International Order. Ed. By D.L. Sloss. *Is the International Legal Order Unraveling?* Oxford University Press. 553 p. P. 23–62.

Spechler M.C., Spechler D.R. 2013. Russia's Lost Position in Central Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. 4(1). P. 1–7. DOI: 10.1016/j.euras.2012.08.001.

Stronski P. 2020. *There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2020/09/there-goes-the-neighborhood-the-limits-of-russian-integration-in-eurasia?lang=en>

Throntveit T. 2011. The Fable of the Fourteen Points: Woodrow Wilson and National Self-Determination. *Diplomatic History*. 35(3). P. 445–481. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2011.00959.x

Anderson B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: «Kuchkovo pole». 416 p. (In Russian)

Ankersmit F.R. 2014. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cenosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: «Izd. dom VShE». 432 p. (In Russian)

Arrighi G. 2006. *Dolgiy dvadcatyj vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times]. Moscow: «Territoriya budushchego». 472 p. (In Russian)

Balakrishnan G. (ed.), Andersen B. and others. 2002. *Nacii i nacionalizm* [Mapping the Nation]. Moscow: «Praksis». 416 p. (In Russian)

Beker S. 1923. *Vudro Vil'son. Mirovaya vojna. Versal'skij mir. Po dokumentam i zapiskam predsedatelya amerikanskogo komiteta pechati na Versal'skoj konferencii Stennarta Bekera* [Woodrow Wilson. The World War. The Versailles Peace. According to the Documents and Notes of the Chairman of the American Press Committee at the Versailles Conference, Stannart Becker]. Gos. izd. «Moskva – Petrograd». 450 p. (In Russian)

Bernardi B. 2013. *Sozdanie obshchej voli. Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniya* [The Creation of a Common Will. Rousseau J.-J. Political Writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 17–39. (In Russian)

Boldyrev N.N. 2018. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow: «YaSK». 480 p. (In Russian)

Chaadaev P.Ya., Teslya A.A. 2017. *Filosoficheskie pis'ma, adresovannye dame*. P.Ya. Chaadaev [Philosophical Letters Addressed to a Lady]. Moscow: RIPOL klassik. 554 p. (In Russian)

Gellner E.G. 1991. *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: «Progress». 320 p. (In Russian)

Gershov Z.M. 1983. *Vudro Vil'son* [Woodrow Wilson]. Moscow: «Mysl'». 335 p. (In Russian)

Grigor'ev O. 2014. *Epoha rosta: Lekcii po neoekonomike. Rascvet i upadok mirovoj ekonomicheskoy sistemy* [The Age of Growth: Lectures on Neoconomics. The Rise and Decline of the Global Economic System]. Moscow: «Kar'era Press». 448 p. (In Russian)

Grudzinsky V. 2015. *Velikobritaniya i ee imperiya v seredine XIX veka: liberalizm i problema modernizacii* [Great Britain and its Empire in the Middle of the 19th Century: Liberalism and the Problem of Modernization]. Chelyabinsk, «Enciklopediya». 220 p. (In Russian)

Hobbes T. 1991. *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. Sochineniya v 2-h t. T.2.* [Leviathan or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. Collected works in 2 Vol. Vol. 1]. Moscow: Mysl. 731 p. (In Russian)

Hobsbawm E. 1998. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality]. Saint Petersburg: «Aleteya». 307 p. (In Russian)

Hofstadter D., Dennett D. 2003. *Glaz razuma* [The Mind's I]. Samara: «Bahrah-M». 432 p. (In Russian)

Horkheimer M. 2011. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of Reason]. Moscow: «Kanon+». 224 p. (In Russian)

Koktysh K.E. 2017. *Ontologiya racional'nogo (IV)* [Ontology of the Rational (IV)]. *Politiya*. 1(84). P. 46–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-46-71 (In Russian)

Koktysh K.E., Sergeev V.M. 2024. *Rozhdenie glubinnogo gosudarstva* [The Birth of the Deep State]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №1. P. 134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we Live by]. Moscow: «Editorial URSS». 256 p. (In Russian)

Lundberg F. 1948. *60 semejstv ameriki* [America's 60 Families]. Moscow: Inostrannaya literatura. 565 p. (In Russian).

Mann M. 2016. *Temnaya storona demokratii. Ob' yasnienie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. Moscow: «Pyatyj Rim». 926 p. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013a. Rassuzhdenie o politicheskoy ekonomii. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Discours sur l'conomie politique. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 40–78. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013b. Obshchestvennyj dogovor, ili osnovaniya politicheskogo. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Du contrat social. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok», 640 p. P. 116–239. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013c. Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she i o plane ego pereustrojstva, sostavlennom v aprele 1771 g. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Considérations sur le gouvernement de Pologne. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 497–588. (In Russian)

Safranchuk I.A. 2015. Globalizacija v golovah [Globalization in the Minds]. *Rossija v global'noj politike*. 13(1). P. 121–126. (In Russian)

Safranchuk I., Mahmudov R. 2021. Transportnaja svjazannost' i mezhdunarodnye processy v Evrazii: problemy i protivorechija [Connectivity and International Relations in Eurasia: Problems and Perspectives]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 65(10). P. 24–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32 (In Russian)

Sergeev V.M., Koktysh K.E. 2023. Konflikty elit v trekhstoletnej istorii rossijskoj modernizacii [Conflicts of Elites in the Three-Hundred-Year History of Russian Modernization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №1. P. 173–182. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.13. (In Russian).

Skrebцова T.G. 2018. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches]. Moscow: «YaSK». 391 p. (In Russian)

Smith A.D. 2004. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: «Praksis». 464 p. (In Russian)

Solso R. 2006. *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive Psychology]. Saint Petersburg: «Piter». 589 p. (In Russian)

Thiers L.-A. 2015. *Istoriya Francuzskoj revolyucii* [Histoire de la révolution française]. Vol. 2. Moscow: Zaxarov. 681 p. (In Russian).

Utkin A.I. 1989. *Diplomatiya Vudro Vil'sona* [Woodrow Wilson's Diplomacy]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya». 320 p. (In Russian).

Yack B. 2017. *Nacionalizm i moral'naya psihologiya soobshchestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 520 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: «Кучково поле». 416 с.

Анкерсмит Ф.Р. 2014. *Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. Москва: «Изд. дом ВШЭ». 432 с.

Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. Москва: «Территория будущего». 472 с.

- Балакришнан Г. (ред.), Андерсон Б. и др. 2002. *Нации и национализм*. Москва: «Праксис». 416 с.
- Бекер С. 1923. *Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стеннарта Бекера*. Гос. изд. «Москва – Петроград». 450 с.
- Бернарди Б. 2013. Создание общей воли. *Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 17–39.
- Болдырев Н.Н. 2018. *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. Москва: «ЯСК». 480 с.
- Геллнер Э.Г. 1991. *Нации и национализм*. Москва: «Прогресс». 320 с.
- Гершов З.М. 1983. *Вудро Вильсон*. Москва: «Мысль». 335 с.
- Гоббс Т. 1991. *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Москва: «Мысль». 731 с.
- Григорьев О. 2014. *Эпоха роста: Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы*. Москва: «Карьера Пресс». 448 с.
- Грудзинский В. 2015. *Великобритания и её империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации*. Челябинск. «Энциклопедия». 220 с.
- Данюк Н., Семибратов Е. 2024. Увязшие в «Болоте». Попытки «цветных революций» в России в 2012–2022 гг. Под ред. С.Г. Мусиенко, М.А. Макарычева. *Горький привкус цветных революций*. С. 13–21. Москва: Молодая гвардия.
- Коктыш К.Е. 2017. Онтология рационального (IV). *Полития*. 1(84). С. 46–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-46-71
- Коктыш К.Е. 2021. Белоруссия: новая геополитическая реальность? *Полис. Политические исследования*. №3. С. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07
- Коктыш К.Е., Сергеев В.М. 2024. Рождение глубинного государства. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: «Едиториал УРСС». 256 с.
- Ландберг Ф. 1948. *60 семейств Америки*. Москва: Из-во Иностранной литературы. 565 с.
- Манн М. 2016. *Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. Москва: «Пятый Рим». 926 с.
- Руссо Ж.-Ж. 2013а. Рассуждение о политической экономии. *Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 40–78.
- Руссо Ж.-Ж. 2013б. Общественный договор, или основания политического. *Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 116–239.
- Руссо Ж.-Ж. 2013с. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. *Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 497–588.
- Сафранчук И., Махмудов Р. 2021. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(10). С. 24–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32
- Сафранчук И.А. 2015. Глобализация в головах. *Россия в глобальной политике*. 13(1). С. 121–126.
- Сергеев В.М., Коктыш К.Е. 2023. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 173–182. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.13.

Скребцова Т.Г. 2018. *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Москва: «ЯСК». 391 с.

Смит Э.Д. 2004. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва: «Праксис». 464 с.

Солсо Р. 2006. *Когнитивная психология*. Санкт-Петербург: «Питер». 589 с.

Тимофеев Я. 2024. Как розы превратились в дубинки. Под ред. С.Г. Мусиенко, М.А. Макарычева. *Горький привкус цветных революций*. С. 39–47. Москва: Молодая гвардия.

Тьер Луи-А. 2015. *История Французской революции*. Т. 2. Москва: Изд-во Захаров. 681 с.

Уткин А.И. 1989. *Дипломатия Вудро Вильсона*. Москва: «Международные отношения». 320 с.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года*. Санкт-Петербург: «Алетейя». 307 с.

Хоркхаймер М. 2011. *Затмение разума. К критике инструментального разума*. Москва: «Канон+». 224 с.

Хофштадтер Д., Деннетт Д. 2003. *Глаз разума*. Самара: «Бахрах-М». 432 с.